

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Шеповаловой Олеси Александровны на тему: «Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.5 – Международно-правовые науки

Диссертация О.А. Шеповаловой посвящена косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам – проблематике определения критериев приемлемости юрисдикции иностранного суда в целях решения вопроса о признании иностранных судебных решений на основании международного, интеграционного и национального правового регулирования. Трансграничные экономические отношения требуют создания эффективных инструментов признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, что, в свою очередь, тесным образом связано с оценкой приемлемости компетенции иностранного суда, вынесшего решение. Подходы государств к установлению пределов юрисдикции своих судов в отношении трансграничных частноправовых споров разнятся, это создает сложности не только на стадии определения компетентного суда для рассмотрения спора по существу, но и на стадии признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. Автор справедливо отмечает тесную связь поставленного вопроса с проблемой суверенитета государства и реализацией суверенной власти в части формирования критериев допустимости признания иностранных судебных решений с учетом приемлемости компетенции суда, рассмотревшего спор.

Особую актуальность диссертационная работа имеет в свете постановки вопроса о перспективах ратификации и последующего использования Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 2019 г. (далее – Гагская конвенция 2019 г.), подготовленной под эгидой Гагской

№ 33-06-1237 от 12.12.2024

конференции по международному частному праву. В основу модели для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, заложенной в Гаагской конвенции 2019 г., положена конструкция косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам, детализированная в перечне юрисдикционных фильтров. Диссертант обоснованно полагает, что научная разработанность темы диссертационного исследования недостаточна, поскольку в отечественной правовой науке мало специальных исследований, посвящённых именно комплексному исследованию косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам, а не отдельным ее аспектам.

В качестве цели диссертационной работы автор называет обоснование целостной концепции косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам. Для достижения вышеназванной цели автор сформулировал ряд задач, из которых ключевые: исследовать содержание понятия «юрисдикция» и «косвенная судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам» во взаимосвязи с иными категориями; выявить правовую природу и сформулировать определение косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам; выявить основные модели её регламентации; проанализировать положения российского процессуального законодательства и международных договоров по поставленному вопросу, сформулировать предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы, оценить перспективы присоединения Российской Федерации к Гаагской конвенции 2019 г.

Достоверность и обоснованность результатов диссертационного исследования обеспечиваются тем, что автор использовал комплекс методов познания как общенаучных, таких как анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, так и частно-научных, а именно: формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и метод правового прогнозирования (стр. 14). Обоснованность результатов исследования также

подтверждается внушительной нормативной, эмпирической и теоретической базой (библиографический список на стр. 168-217), где обращает на себя внимание обширный пул международных договоров (более 60), положенных в основу исследования.

Диссертационная работа О.А. Шеповаловой обладает искомой степенью научной новизны. Автором сделаны логичным образом структурированные и обоснованные выводы, предлагающие решение научной задачи, среди которых наиболее значимы следующие:

во-первых, выявлена правовая природа косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам (положение на защиту 1), а также сформулировано ее определение (положения на защиту 2, 3);

во-вторых, выделены четыре основных модели правового регулирования косвенной судебной юрисдикции (положение на защиту 5), обозначены особенности, преимущества и недостатки каждой из моделей;

в-третьих, в целях совершенствования правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Российской Федерации предложена смешанная модель, в соответствии с которой приемлемость юрисдикции иностранного суда будет обусловлена помимо непротиворечия критериям исключительной судебной юрисдикции признающего правопорядка, также соблюдением критерия тесной связи спора и вынесшего судебный акт суда либо признанием ответчиком его юрисдикции (эстоппель) (положение на защиту 6);

в-четвертых, сделаны обоснованные выводы о возможных моделях регулирования косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам в международных договорах государств, в том числе вывод о том, что определение косвенной судебной юрисдикции на основании норм права о прямой судебной юрисдикции как государства признания судебного решения, так и государства вынесения судебного решения,

малозффективны в рамках международного сотрудничества (положение на защиту 7).

Во **введении** автор обосновывает актуальность проблематики исследования, характеризует степень ее научной разработанности, ставит цель и задачи исследования, раскрывает методологию исследования, характеризует теоретическую, нормативную и эмпирическую основы исследования, формулирует выносимые на защиту положения, обозначает научную новизну, теоретическую и практическую значимость диссертации.

Первая глава посвящена понятию и сущности косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам. Так, *в первом параграфе* проведен анализ основ нормативного и доктринального понимания категории «юрисдикция». Автор, демонстрируя многочисленные примеры использования категории «юрисдикция» в различном значении в разных источниках права, в особенности, в различных международных договорах, приходит к выводу о том, что категория «юрисдикция» является многоаспектной. Аналогичная ситуация с использованием термина складывается и в доктрине. Сделан вывод о том, что судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам представляет собой проявление суверенитета государства, выражающееся в реализации им властных полномочий устанавливать компетенцию национальных судов по трансграничным частноправовым спорам. *Во втором параграфе* автор переходит к анализу косвенной судебной юрисдикции как проявления суверенитета государства, в результате чего приходит к выводу об обоснованности использования именно термина «косвенная судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам» для более четкого терминологического обозначения рассматриваемого явления.

В третьем параграфе автор анализирует специфику правовых норм о косвенной судебной юрисдикции. Автор оценивает системную принадлежность норм о косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам, делая вывод о том, что

соответствующие нормы относятся к нормам международного гражданского процесса и содержатся как в международном, так и в интеграционном, и в национальном праве (стр. 53-57). Косвенная судебная юрисдикция рассмотрена автором в двух аспектах: как юридическое условие и как процессуальный юридический факт (стр. 57-59). В данном параграфе проанализированы цель правового регулирования косвенной судебной юрисдикции (стр. 59-62), в качестве которой автор называет реализацию права на судебную защиту, включающую разграничение компетенции судов, недопущение конфликтов юрисдикций, право на разрешение судом спора и на эффективную реализацию судебного решения (стр. 60). Автор также анализирует характер правовых норм, регулирующих косвенную судебную юрисдикцию (стр. 62-63). По результатам анализа сделан вывод о том, что косвенная судебная юрисдикция как институт международного гражданского процесса представляет собой совокупность процессуальных норм международного, интеграционного и национального права, регулирующих порядок определения приемлемости компетенции суда, рассмотревшего трансграничный частноправовой спор, в рамках процедуры признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения (стр. 63-64, положение на защиту 2).

Вторая глава диссертации посвящена моделям правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в национальном законодательстве государств. Каждой из моделей посвящен отдельный параграф главы. Модель, анализируемая в *первом параграфе*, предполагает, что косвенная судебная юрисдикция устанавливается посредством применения правовых норм, которые регулируют прямую судебную юрисдикцию судов признающего судебное решение государства. Автор критически оценивает данную модель и приходит к выводу о том, что она не отвечает цели правового регулирования института косвенной судебной юрисдикции (стр. 79). Во *втором параграфе* рассматривается модель определения косвенной юрисдикции, при которой признающий суд

применяет нормы о прямой судебной юрисдикции государства, в котором судебное решение вынесено. Приведены критические замечания в отношении использования такой модели, поскольку она требует оценки применения иностранного процессуального права признающим судом (стр. 85-86).

Третий параграф посвящен анализу модели, при которой признающий иностранное судебное решение суд применяет критерии косвенной юрисдикции, предусмотренные в его праве. В **четвертом параграфе** автор оценивает модель применения критериев исключительной судебной юрисдикции признающего судебное решение государства для оценки приемлемости компетенции иностранного суда. Автор исследует национальное право ряда государств для оценки рассматриваемых моделей применения косвенной судебной юрисдикции. Применительно к Российской Федерации диссертант приходит к выводу о том, что именно модели, раскрытые им в третьем и четвертом параграфе третьей главы – модели применения критериев косвенной судебной юрисдикции признающего суда и оценки ненарушения его международной подсудности – выступают наиболее перспективными.

Третья глава посвящена совершенствованию правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Российской Федерации, где диссертант обосновывает авторскую модель определения косвенной судебной юрисдикции для Российской Федерации. Предлагаемая автором модель основывается на смешанном подходе, предусматривающем применение как косвенных юрисдикционных критериев, так и критериев исключительной судебной юрисдикции (стр. 125), где косвенными юрисдикционными критериями могут выступать принцип тесной связи спора и суда (стр. 115-120), а также критерий одобрения иностранной судебной юрисдикции ответчиком – принцип эстоппель (стр. 120-125, положение на защиту б).

Четвертая глава диссертации посвящена координация деятельности государств по вопросам о косвенной судебной юрисдикции. Так, в **первом**

параграфе проведен анализ взаимодействия государств по регламентации косвенной судебной юрисдикции в многостороннем, интеграционном и двустороннем форматах. Автор анализирует широкий диапазон источников, рассматривая особенности европейской модели определения косвенной судебной юрисдикции в ее историческом становлении (стр. 128-134), международные соглашения американских государств (стр. 134-141) а также международные договоры Российской Федерации регионального и двустороннего характера (стр. 141-152). Автором выявлены различные особенности подходов к регулированию вопросов косвенной судебной юрисдикции посредством международных договоров, сделаны рекомендации о предпочтительной модели для международных оглашений в зависимости от уровня взаимного доверия государств (стр. 152-153).

Во втором параграфе автор анализирует перспективы присоединения государств к Гаагской конвенции 2019 г., фокусируясь на ее разработке и мотивах, влияющих на выбор той или иной модели определения косвенной судебной юрисдикции для целей конвенции. Ставится вопрос о правовых последствиях присоединения к рассматриваемой конвенции, в рамках которого автор оценивает перспективы возможного диспаритета во взаимном признании иностранных судебных решений в продолжение развернувшегося в доктрине обсуждения проблемы «юрисдикционного разрыва», в том числе применительно к Российской Федерации (стр. 160-161). Диссертант отмечает возможный негативный эффект «юрисдикционного разрыва» в случае присоединения России к Гаагской конвенции 2019 г. (стр. 160).

В целом, диссертацию О.А. Шеповаловой характеризует системный и комплексный подход к исследуемой проблематике, обширная как теоретическая, так и нормативная база, включающая в себя внушительной количество рассмотренных международных договоров. Автором предложена модель для решения проблемы косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам. Сформулированные теоретические положения качественно дополняют существующие научные знания в

рассматриваемой сфере и, несомненно, могут быть использованы в дальнейших исследованиях по заявленной проблематике. Все это свидетельствует о достаточно существенном вкладе автора в международно-правовые науки. Автором также сделаны рекомендации по совершенствованию законодательства, аргументированы предложения в части разработки международных договоров, в части неприсоединения к Гаагской конвенции 2019 г., что подтверждает также практическую значимость работы.

Признавая явные достоинства представленного диссертационного исследования, можно обратить внимание и на его некоторые дискуссионные положения, в отношении которых можно сформулировать ряд вопросов и замечаний.

1) **Вопрос о предложенной автором модели регулирования косвенной судебной юрисдикции.** Выражая поддержку позиции автора о необходимости решения проблемы косвенной судебной юрисдикции по частноправовым трансграничным спорам за счет установления критериев приемлемости споров, можно отметить, что предложенная автором модель не лишена дискуссионных моментов. Автор предлагает применять принцип тесной связи и принцип эстоппель для оценки компетенции иностранного суда, чье решение требует признания и приведения в исполнение в России. Однако не будет ли в такой интерпретации модель, предложенная автором, представлять собой суть все то же зеркальное применение прямых юрисдикционных критериев, по крайней мере для экономических споров?

Для последних в Российской Федерации принцип тесной связи помимо прямого закрепления в п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ рассматривается также как принцип, лежащий в основе общих правил определения компетенции арбитражных судов (пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных

иностранным элементом» (далее – Пленум ВС РФ № 23)), который предполагает, что ч. 1 ст. 247 АПК РФ толкуется через призму принципа тесной связи. Таким образом, генеральным правилом определения прямой юрисдикции по экономическим трансграничным спорам выступает принцип тесной связи, детализированный в юрисдикционных критериях ч. 1 ст. 247 АПК РФ. И сам автор, отвергая доводы о сложностях интерпретации критерия тесной связи, отмечает на стр. 125, что «прямые юрисдикционные критерии отечественного законодательства потенциально могут быть рассмотрены как доказательства наличия тесной связи». Принцип эстоппель (потеря права на возражение при признании компетенции суда) также применим для определения прямой судебной юрисдикции (пункт 18 Пленума ВС РФ № 23), соответственно, его применение для юрисдикции косвенной будет зеркальным. Возникает вопрос, в чем же тогда принципиальное отличие предложенной автором модели от теста «зеркала» (применения для оценки косвенной юрисдикции юрисдикционных критериев, применимых для прямой юрисдикции), если речь идет о применении тех же принципов – тесной связи и эстоппеля, положенных в основу определения прямой юрисдикции?

2) **Вопрос об альтернативных моделях определения косвенной судебной юрисдикции, разработанных вне Гагской конференции.** В своей работе автор оставляет без внимания модель определения косвенной судебной юрисдикции, предусмотренную для иностранных судебных решений, принятых в связи с делом о несостоятельности, и зафиксированную в международно-правовом документе рекомендательного характера – в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о признании и приведении в исполнение судебных решений, принятых в связи с делом несостоятельности 2018 г. Между тем, эта модель весьма примечательна, т.к. включает в себя несколько применимых альтернативно тестов приемлемости компетенции иностранного суда, вынесшего решение (п. f ст. 14 упомянутого Типового закона): проверка прямого согласия стороны на юрисдикцию иностранного суда,

признание стороной юрисдикции иностранного суда (аналог предлагаемого автором для применения принципа эстоппель), тест «зеркала» (отвергаемый автором диссертационного исследования) и еще один тест – «осуществление юрисдикции иностранным судом на основаниях, которые не являются несовместимыми с законодательством признающего государства» как своего рода ценз минимальной приемлемости компетенции иностранного суда.

Как автор оценивает последний из названных тестов? Будет ли он в субсидиарном или альтернативном применении тесту «зеркала» гасить недостатки модели теста «зеркала» (сделает модель более гибкой, позволяющей учесть не только прямые юрисдикционные критерии своего правопорядка), сохраняя ее достоинства в виде минимальной формальной определенности? Небезынтересно узнать мнение автора, в чем он видит преимущества предложенной им модели косвенной юрисдикции на основе тесной связи, дополненной эстоппелем, в сравнении с моделью ЮНСИТРАЛ в виде набора альтернативных тестов, включающих согласие на юрисдикцию, признание юрисдикции (эстоппель), «тест зеркала» и тест на минимальную приемлемость компетенции иностранного суда?

3) Вопрос о рисках юрисдикционного диспаритета, создаваемых Гаагской конвенцией 2019 г. На стр. 160-161 автор анализирует проблему юрисдикционного разрыва в Гаагской конвенции 2019 г. и отмечает, что юрисдикционный фильтр, согласно которому «решение иностранного суда может быть признано, если физическое лицо, против которого испрашивается признание или приведение в исполнение, имело основное место бизнеса в государстве происхождения на момент, когда такое лицо стало стороной разбирательства в суде происхождения и иск, по которому вынесено решение, был подан в связи с осуществлением такого бизнеса», откроет дорогу для признания и приведения в исполнение такого судебного решения (при отсутствии оснований для отказа), но при этом «подобный критерий юрисдикции отсутствует в российском процессуальном

законодательстве» для рассмотрения спора по существу (для прямой юрисдикции).

С этим тезисом автора сложно согласиться, т.к. критерий п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ в свете сложившегося толкования, детализированного в Пленуме ВС РФ № 23 и в позициях ВС РФ, позволяет инициировать рассмотрение дела в описанных обстоятельствах на основании тесной связи. Видится, что обоснование возможного юрисдикционного диспаритета, возникающего при потенциальной ратификации Гаагской конвенции 2019 г., требует ответа на иной вопрос: поглощаются ли юрисдикционные фильтры Гаагской конвенции 2019 г. критерием тесной связи в его интерпретации российскими судами или нет, а не только в оценке наличия или отсутствия в российском процессуальном законодательстве аналогичных юрисдикционным фильтрам Гаагской конвенции 2019 г. критериев судебной компетенции российских судов.

4) Вопрос о регулировании косвенной судебной юрисдикции в международных договорах Российской Федерации.

А) На стр. 151 автор делает вывод о целесообразности унификации критериев прямой судебной юрисдикции для стран ЕАЭС без отсылки к нормам об исключительной компетенции национальных судов, а также о целесообразности использования унифицированных критериев косвенной судебной юрисдикции для двусторонних международных договоров (при невозможности унификации прямой юрисдикции). При этом автор высказывает критику в отношении унифицированных в Гаагской конвенции 2019 г. юрисдикционных фильтров как создающих риск юрисдикционного диспаритета. Какие автор может предложить косвенные юрисдикционные критерии в качестве приемлемых для унификации? Может ли таким критерием выступать принцип тесной связи, широко применимый в России для экономических споров?

Б) В современных реалиях прямая судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам может определяться на основе

принципа необходимости. По сути, ст. 248.1 АПК РФ рассматривается как детализация реализации принципа необходимости для подсанкционных лиц, испытывающих ограничения в доступе к суду в так называемых «недружественных» юрисдикциях. В экспертном сообществе зреет вопрос о том, можно ли обеспечить признание и приведение в исполнение судебных решений, вынесенных на основе такой юрисдикции, на территории третьих государств. Видит ли автор содействие в решении этой проблемы в рамках его предложений об унификации в международных договорах Российской Федерации прямых и косвенных юрисдикционных критериев?

В заключение следует отметить, что диссертационное исследование О.А. Шеповаловой представляет собой итог серьезного труда и вдумчивого анализа рассматриваемых проблем, полученные результаты исследования достоверны и обоснованы. Изложенные выше замечания в целом не уменьшают научной ценности работы, не влияют на ее общую положительную оценку ввиду актуальности темы исследования, его научной новизны и практической значимости выводов. Основные положения, содержащиеся в диссертации, нашли отражение в публикациях автора. По тематике и содержанию диссертация соответствует научной специальности 5.1.5 – Международно-правовые науки.

С учетом всего вышесказанного полагаю, что диссертация Шеповаловой Олеси Александровны на тему: «Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны. Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой

степени мною не установлено. Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

ЧЛЕН ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА:

Ерпылева Наталия Юрьевна, доктор юридических наук,
профессор, руководитель департамента правового
регулирувания бизнеса факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20;
тел. 8(495)7713232; e-mail: nerpyleva@hse.ru)

«25» ноября 2024 года

Подпись заверяю

СПЕЦИАЛИСТ ПО ПЕРСОНАЛУ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
Азовцев Т. Д.

